

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ «ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Димитриев Виктор Михайлович

**Концепции памяти в прозе младшего поколения
русской эмиграции (1920–1930 гг.)
и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»**

Специальность 10.01.01 — «Русская литература»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2018

Работа выполнена в Отделе взаимосвязей русской литературы с зарубежными
ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»
Дмитрий Викторович Токарев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и детского чтения
Санкт-Петербургского государственного института культуры
Евгений Рудольфович Пономарев

кандидат филологических наук,
ученый секретарь
Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына
Мария Анатольевна Васильева

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО
Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится _____ 2018 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д.002.208.01 при Институте русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном
сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан « _____ » _____ 201 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

В современных гуманитарных науках категория памяти приобретает междисциплинарный характер, становится предметом исследования в исторических, философских, социо- и антропологических, литературоведческих работах (П. Нора, Д. Лоуэнталь, П. Рикёр, Я. Ассман, А. Ассман, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, И. П. Смирнов, Р. Лахманн, С. Г. Бочаров и др.), с 1980-х годов можно наблюдать зарождение и развитие отдельной области *memory studies*. Несмотря на то, что интерес к феномену памяти неотделим от человеческой истории, именно в XX веке проблематика памяти займет центральное место в процессе освоения и интерпретации катастрофического опыта мировых войн и революций, а также информационного «бума», угрожающего беспмятством, и области бессознательного, на важность которой указал как психоанализ, так и модернистская эстетика.

Под памятью применительно к литературе мы будем понимать прежде всего творческую способность художественно воссоздавать прошлое в нарративных формах. В этом значении память стала одним из текстообразующих принципов модернистской литературы XX века. В нашей работе различие между памятью и воспоминаниями будет уточняться исходя из конкретного историко-литературного материала. Релевантным диссертационному исследованию признается понятие память-воспоминание (*mémoire-souvenir*), заимствованное из переломного для модернистской эстетики философского сочинения А. Бергсона «Материя и память» (1896), в котором оно означает бескорыстное и творческое возвращение к прошлому как к неразложимой сумме уникальных событий и противопоставлено памяти-привычке.

Принимая во внимание многообразие литературоведческих контекстов, в рамках которых может рассматриваться категория памяти (интертекстуальность, «память жанра», проблематика канона и традиции, культурная память, формы сохранения и передачи культурного опыта посредством литературы и т. д.), мы концентрируемся на проблеме репрезентации форм памяти-воспоминания в

художественном произведении. Нас интересует, каким образом в прозе представителей «младшего» поколения первой волны русской эмиграции тема памяти и форма воспоминания манифестируют себя на уровне поэтики (жанр, повествовательная форма, структура героя, метаповествовательная рефлексия, идея).

В становлении культуры русской эмиграции первой волны 1920–1940 годов категория памяти играет ключевую роль. Для рассеянных по всему миру русских изгнанников и беженцев память стала универсальным механизмом сохранения национальной культуры, что обусловило, с одной стороны, появление и распространение форм коллективной памяти (эмигрантский «мессианизм», культуризм, формирование литературного канона), с другой стороны, спровоцировало и углубило потребность в исследовании индивидуальной, автобиографической памяти. Центральное положение категории памяти в структуре эмигрантского дискурса отразилось на литературе русского зарубежья; среди знаковых проявлений мнемонических процессов следует назвать увеличение числа мемуарных и автобиографических сочинений, усиление автобиографического и документального начала в прозе, сознательное включение рефлексии о природе мнемонического в художественный текст и т. п. Феномен художественной памяти в литературе русской эмиграции исследовался на материале мемуарной литературы (Э. Гаррето, В. М. Пискунов, Е. Л. Кириллова, О. Р. Демидова, Н. Н. Кознова и др.), а также в творчестве таких представителей «старшего» поколения, как И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, И. А. Шмелев, А. М. Ремизов, М. О. Осоргин (Ю. В. Мальцев, Л. И. Бронская, Е. Р. Обатнина и др.). Важное значение для понимания роли памяти в эмигрантской прозе имеют литературоведческие работы, касающиеся разных аспектов мнемонического в творчестве В. Набокова (Дж. Б. Фостер, Б. В. Аверин, М. Э. Маликова и др.) и Г. Газданова (Л. Диенеш, М. Н. Шабурова, Е. Ю. Ухова и др.). В свою очередь, прозаическое наследие других «младших» писателей-эмигрантов практически не исследуется под углом зрения памяти, хотя в творчестве Б. Поплавского, В. Варшавского, Ю. Фельзена, В. Яновского, И. Болдырева-Шкотта, М. Агеева,

Л. Кельберина, Л. Червинской, Н. Татищева, А. Гингера, Г. Кузнецовой, Н. Берберовой тема памяти и форма воспоминания имеют важное поэтологическое значение.

Феномен прозы «младшего» поколения эмиграции начал осмысляться самими участниками литературного процесса, в эссеистике Б. Поплавского, В. Варшавского, Ю. Терапиано, Н. Оцуа, Г. Газданова и др. Поколенческий принцип становится структурным стержнем мемуарных и эссеистических книг Ю. Терапиано («Встречи», 1953), Г. Адамовича («Одиночество и свобода», 1955), В. Яновского («Поля Елисейские», 1983) В. Варшавского («Незамеченное поколение», 1956) и др. Сочинение последнего положило начало не завершенной и сегодня дискуссии о методологической продуктивности обособления в русском зарубежье творчества «молодого поколения», обладающего особой поэтикой. Ценные наблюдения о прозе «младших» писателей-эмигрантов содержатся в работах О. А. Коростелева, М. А. Васильевой, Е. Менегальдо, О. М. Орловой, Ю. В. Матвеевой, О. Р. Демидовой, Т. Н. Красавченко, В. Хазана, Н. В. Летаевой, С. А. Кибальника, Д. В. Токарева и др.

Отдельно следует назвать исследования, в которых предложен системный анализ прозы «младшего» поколения-эмиграции. Например, на материале художественного творчества и публицистики, напечатанных в журнале «Числа», были защищены две диссертационные работы: в 2003 году диссертация Н. В. Летаевой «Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала "Числа"» (Москва) и в 2013 году диссертация Н. В. Зиновьевой «Литературно-эстетическая позиция и художественная практика журнала "Числа"» (Москва).

В 2003 году выходит монография Л. Ливака «How It Was Done in Paris. Russian émigré literature and French modernism» (Madison), в которой творчество «молодых» эмигрантских писателей анализируется в компаративистской перспективе, в сопоставлении с художественными произведениями представителей французского модернизма.

В исследовании И. Каспэ 2005 года «Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы» (Москва) предпринята попытка реконструировать создаваемый «молодыми» писателями образ поколения как особую литературную стратегию.

Комплексный анализ литературы писателей-младоземигрантов предлагает Ю. В. Матвеева в книге 2008 года «Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземигрантов» (Екатеринбург), на основании предпосылки, что творчество «младшего» поколения отличает общность поэтики и стилистики, а также психобиографическая общность.

В монографии А. Морар 2009 года «De "l'émigré" au "déraciné": la "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940)» (Genève) «молодое поколение» рассматривается как целостное явление, становление которого в межвоенные десятилетия прошло четыре этапа: 1) 1918–1925: авангардистский период (художественные объединения «Гатарапак», «Через», «Палата поэтов», журнал «Удар» С. Ромова, творчество С. Шаршуна, В. Парнаха, И. Зданевича, М. Талова); 2) 1925–1930: переходный период, для которого характерны ориентация на эмигрантские круги, появление первых журналов «молодых» («Новый корабль», «Новый дом»); 3) 1930–1934: время «Чисел» как период самоутверждения поколения; 4) 1934–1939: переход в публицистике и художественной литературе от поколенческого «мы» к индивидуальному «я».

Наконец, в 2015 году выходит книга М. Рубинс «Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris» (London), в 2017 году также и в переводе на русский под названием «Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма». В исследовании предпочтение отдается не понятиям «младшее» или «молодое», или «незамеченное» поколение, а универсальному понятию «русский Монпарнас», которое позволяет рассмотреть творчество младоземигрантов как одну из ветвей общей монпарнасской транснациональной эстетики.

Несмотря на разность подходов, исследователи согласны в том, что проза писателей-младоземигрантов объединена рядом типологических черт, таких как активное использование автодокументальных жанровых форм (дневник, эпистолярный, записки, исповедь), преобладание формы перволичного повествования, создание особого поколенческого героя, обращение к проблематике автобиографической памяти, выразившееся, в частности, в распространении мотивов воспоминания. Тем не менее, проблематика памяти в прозе «младшего» поколения русской эмиграции не становилась предметом специального рассмотрения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью прозы «младшего» поколения эмигрантских писателей, практически полным отсутствием работ о формах и роли памяти в их сочинениях, неотрефлексированностью релевантных историко-литературных источников для реконструкции художественных концепций памяти в их творчестве.

В своем анализе мы будем отталкиваться от предпосылки, согласно которой одним из существенных оснований художественного становления за рубежом как «старшего», так и «младшего» поколения является обращение к памяти. «Молодые» писатели-эмигранты подчеркивали, что их отношения с прошлым противоположны позиции представителей «старшего» поколения, поскольку «эмигрантские сыновья» не участвовали «в круговой поруке общеэмигрантских воспоминаний».¹ Для прозы младоземигрантов характерно введение в текст разнообразных фигур разрыва с прошлым и нарушений памяти; особенно выразительно проявляется это в творчестве последовательного в глазах эмигрантского сообщества прустинца Ю. Фельзена, для которого память-воспоминание, в противовес символистскому мировосприятию, лишена измерения вечности.

Категория памяти, воплощенная в творчестве писателей-эмигрантов, генетически связана с русской модернистской и классической традициями, а также включается в контекст современных эмигрантским модернистам

¹ *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. М., 2010. С. 148.

экспериментальных романов, в которых память становится одновременно формой, идеей и темой. Однако если мнемоническая поэтика антагониста «Чисел» В. Набокова находит свое эстетическое основание и определение в символизме Вяч. Иванова и А. Белого, творчестве И. А. Бунина и русской религиозной философии конца XIX — первой половины XX века (Б. В. Аверин), то поэтика младоэмигрантов, как мы доказываем в нашей работе, генетически и типологически связана с формой «припоминания и записывания» Ф. М. Достоевского, наиболее последовательно реализованной в романе «Подросток».²

Целесообразность включения романа «Подросток» в качестве одного из главных источников для построения «молодыми» писателями-эмигрантами мнемонических концепций подкрепляется периферийными аналогиями:

— антификциональная и антилитературная программа «Чисел» и «парижской ноты», в лице Достоевского не в последнюю очередь находящая свое оправдание и смысл, может быть рассмотрена на фоне «проекта» Аркадия Долгорукого, предполагающего разрыв с литературной традицией в пользу чистого свидетельства;

— «молодость» эмигрантских писателей, становящаяся частью младоэмигрантского образа и часто не соответствующая возрастным параметрам, отсылает к широко толкуемой категории «подростковости» в произведениях Достоевского, особенно развитой в «Подростке»;

— драматургия противостояния и противопоставления памяти-воспоминания литературных консерваторов и молодых эмигрантских модернистов может быть плодотворно описана при помощи аналогии с

² Впервые на возможность такого сопоставления указала Л. В. Сыроватко, в этом ключе проанализировавшая рассказ В. С. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека». Однако Сыроватко в большей степени связывала поэтику «припоминания и записывания» с другим произведением Достоевского, занимающим значимое место в литературном пантеоне младоэмигрантов, а именно «Записками из подполья». См.: *Сыроватко Л. В.* Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940) // Достоевский и XX век: В 2-х томах. Т. 2. М., 2007. С. 136–145.

конфликтом и диалогом трех разных форм памяти в романе «Подросток» (памяти Аркадия Долгорукого, Версилова и Макара Долгорукого).

Личность и творчество Достоевского привлекали к себе постоянное внимание в эмигрантских кругах; именно он становится одним из главных выразителей умонастроений изгнанников: в русском зарубежье последовательно формируется образ Достоевского-пророка (К. Бальмонт, П. Струве), Достоевского-пневматолога (Н. Бердяев). Вместе с тем, многие представители «младшего» поколения стремились увидеть в нем прежде всего художника, чье творческое наследие важно в той мере, в какой эстетически продуктивно продолжать его в эмигрантском настоящем. И в этом смысле ключевые черты их текстов — исповедальность, перволичное повествование, импульсивность и двойственность героя, и т. д. — восходят именно к Достоевскому. Отметим, что образ Достоевского нередко мог восприниматься опосредованно: в одном из первых поколенческих высказываний «Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке» («Числа», 1930/1931, № 4) Варшавский проводит линию от автора «Топей» и «Фальшивомонетчиков» к литературе «младшего» поколения эмиграции, с учетом того, как Жид интерпретирует Достоевского в своих знаменитых и имеющих большое значение для эмигрантов лекциях и статьях 1908–1922 годов (собраны в книге «Dostoïevsky», 1923). Именно он, а не «старшие» писатели-эмигранты, подчеркивает Варшавский, способен стать связующим звеном между авторами, принадлежащими к «младшему» поколению, и русской классической литературой в лице Достоевского и Л. Толстого. Поэтому отдельное место в диссертационном исследовании уделяется анализу влияния Жида на творчество писателей-младоэмигрантов и сопоставлению романов «Фальшивомонетки» и «Подросток».

Цель нашей работы — выявление и анализ концепций памяти, реконструированных на материале творчества представителей «младшего» поколения эмиграции первой волны, в историко-литературном и типологическом сопоставлении с концепциями памяти в романе Ф. М. Достоевского «Подросток».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— выявить значение категории памяти в литературе русского зарубежья 1920–1940 годов, на примере анализа жанровых и повествовательных особенностей эмигрантской прозы, а также структуры героя;

— проанализировать роль памяти в романе «Подросток» как источнике мнемонической поэтики эмигрантской литературы;

— определить роль категории памяти в создании новой художественной формы (на основании подготовительных материалов к роману «Подросток») в ракурсе восприятия Достоевского «младшим» поколением;

— рассмотреть функцию героя-подростка в романе А. Жида «Фальшивомонетчики» в сопоставлении с романом «Подросток», в свете того, как Варшавский воспринимал творчество Достоевского и Жида;

— проанализировать повесть «Мальчики и девочки» И. Болдырева и «Роман с кокаином» М. Агеева с точки зрения временной организации текста и с учетом заимствований и реминисценций из «Подростка»;

— исследовать генезис темы памяти и формы воспоминания в прозе В. С. Варшавского межвоенных десятилетий;

— изучить формирование мнемонического нарратива в рассказах Ю. Фельзена 1926–1928 годов и литературный контекст повести «Обман» (1930) в аспекте воплощенной философии памяти.

Объектом диссертационной работы является прозаическое наследие представителей «младшего» поколения эмиграции первой волны, роман Достоевского «Подросток», роман А. Жида «Фальшивомонетчики», **предметом** — художественные концепции памяти в прозе «младшего» поколения эмиграции, категория памяти в романе Достоевского «Подросток», а также функция героя-подростка в романе А. Жида «Фальшивомонетчики» (в сопоставлении с романом Достоевского).

В основе исследования анализ повести И. Болдырева «Мальчики и девочки», романа М. Агеева «Роман с кокаином», прозы В. Варшавского 1920–1930-х годов и Ю. Фельзена (в период 1926–1930 годов), позволяющий различить

в межвоенном творчестве эмигрантов зарождение выразительных мнемонических тенденций, противопоставленных как прозе литературных «отцов», так и некоторым аспектам поэтики В. Набокова и Г. Газданова. «Подросток» Достоевского рассматривается как неучтенный литературный источник мнемонических концепций в прозе «младших» писателей-эмигрантов. Роман А. Жида анализируется в перспективе рецепции эмигрантов, с вниманием к тому, как некоторые поэтологические особенности «Подростка», художественно интерпретированные в творчестве и эссеистике Жида, проникают в эмигрантский дискурс. В качестве репрезентативного контекста, на фоне которого изучаются указанные произведения, избираются прозаические сочинения, опубликованные в главных периодических изданиях русского зарубежья, где доминировали «молодые» участники: журналах «Числа» (1930–1934, № 1–10) и «Встречи» (1934, № 1–6), альманахе «Круг» (1936–1938, № 1–3). Среди значимых текстов можно назвать «Вечер на вокзале» А. Гингера, «Третью жизнь» Г. Газданова, рассказ «Кривой» Н. Татищева, «Ожидание» Л. Червинской, «Рождение героя» Ан. Алферова и др. Большое внимание уделяется литературной критике и эссеистике эмиграции (Г. Адамович, В. Ходасевич, Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Н. Оцуп и др.). Следует отдельно оговорить, что творчество Набокова и Газданова выходит за рамки нашего исследования и специально не рассматривается, отчасти по причине неослабевающего исследовательского интереса к функционированию памяти в их текстах (на фоне почти неизученного творчества большинства эмигрантских «детей»), отчасти вследствие того, что интересующие нас образы-воспоминания связаны с радикальным и травматическим переживанием временности (тогда как для Набокова память в символистском ключе толкуется как возвращение к прапамяти). Тем не менее, в параграфе, посвященном литературному контексту повести Ю. Фельзена «Обман», роман В. Набокова-Сирина «Машенька» и роман Г. Газданова «Вечер у Клэр» выбираются в качестве основных источников для сопоставления.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составили работы М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, Н. Яковлевой, труды ведущих

специалистов по творчеству «младшего» поколения эмиграции (М. А. Васильева, О. А. Коростелев, С. Р. Федякин, Ю. В. Матвеева, Б. В. Аверин, М. Э. Маликова, Д. В. Токарев, С. А. Кибальник, Л. Ливак, И. Каспэ, А. Морар, М. Рубинс и др.), ключевые работы по роману Ф. М. Достоевского «Подросток» (А. С. Долинин, Л. М. Розенблюм, В. Я. Кирпотин, Я. Зунделович, Е. И. Семенов, Х.-Ю. Геригк, Ж. Катто, И. Лунде, О. Хансен-Лёве, Й. Йенсен, Е. А. Краснощекова, Р. Х. Якубова и др.), а также философские и социологические работы, посвященные проблематике памяти (А. Бергсон, М. Хальбвакс, П. Нора).

Методология исследования основывается на комплексном подходе, сочетающем историко-литературный, типологический, сравнительный **методы**, с привлечением достижений нарратологии, рецептивной эстетики.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые проводится комплексный анализ ряда текстов «младшего» поколения писателей-эмигрантов в аспекте проблематики памяти; выдвигается предположение о генетической связи между концепциями памяти в прозе молодых эмигрантских писателей и романом Ф. М. Достоевского «Подросток», вводятся в научный оборот неисследованные или малоисследованные тексты И. Болдырева, В. С. Варшавского, Ю. Фельзена.

На защиту выносятся следующие **положения**:

— в прозе «младшего» поколения эмиграции выразилась тенденция создать особую разновидность литературы «человеческого документа», основным формальным принципом которой является «припоминание и записывание» внутреннего опыта, выраженного в переживании временности и изменчивости;

— в структуре «молодого эмигрантского героя» воплощен тип вспоминающей личности, характеризующийся рядом черт: 1) осознанием воспоминания как «внутренней потребности», 2) связью письма с декларируемым будущим подвигом, 3) преобладанием мотивов рассеянности и ожидания, 4) пересечением во внешнем событии метафизического и любовного сюжетов, 5) переживанием разрыва между «я» и «другим», 6) «молодостью» как ключевой

формулой узнавания автора и героя, восходящей к «подростковости» героев Достоевского;

— для памяти-воспоминания младоэмигрантов характерен насильственный разрыв с прошлым, воспоминание должно пробудить сознание к прерыванию инерции жизни; ряд мнемонических мотивов возводят прозу «младшего» поколения эмиграции к роману «Подросток»;

— в романе «Подросток» диалогически связаны три персонажные концепции памяти: герменевтическая память Аркадия Долгорукого (восстановление «нарративной идентичности», узнавание «другого»), эстетическая память Версилова (диалогически соотнесенная с исторической памятью и наследующая принципу «литературных припоминаний» Достоевского) и библейская память Макара Долгорукого (корреспондирующая с народной памятью и заключающаяся в идее «посмертной» памяти о «другом»);

— в младоэмигрантский дискурс переходили устойчивые формулы, связанные с творчеством Достоевского: 1) «русские мальчики», 2) «подполье», 3) «мечтательство», которые специфическим образом переносились в сферу характеристики «молодого эмигрантского человека»;

— антилитературная поэтика авторов журнала «Числа» в ключевых моментах совпадает с эстетическими предпосылками создания романа «Подросток»;

— сопоставительный анализ романов «Фальшивомонетчики» А. Жида и «Подросток» Достоевского демонстрирует, как исторически обусловленный концепт «случайное семейство» становится метафизическим требованием «случайности» как способа избежать социальной предопределенности и выйти к реальности становления;

— в младоэмигрантском дискурсе понятие «внутренний» человек связывалось с творчеством А. Жида как интерпретатора Достоевского и с творчеством самого Достоевского;

— повесть «Мальчики и девочки» И. Болдырева и «Роман с кокаином» М. Агеева обнаруживают связь с романом «Подросток», которая определяет

логику построения образа героя-подростка и интерпретацию ключевых «идей» пореволюционного времени;

— в прозе В. Варшавского межвоенных десятилетий и Ю. Фельзена 1926–1930 годов выражены две ключевые концепции памяти в литературе «младшего» поколения эмиграции; они могут быть обозначены соответственно как «рассеянная» память и аналитическая память о настоящем.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при разработке курсов по истории новейшей русской литературы, истории зарубежной литературы, творчеству «младшего» поколения писателей-эмигрантов, поэтике памяти.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур (ИРЛИ РАН). Результаты и выводы исследования изложены в докладах, прочитанных на следующих научных конференциях: XXXIX Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2014), XXX Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность» (Старая Русса, 2015), XIII и XIV международная летняя школа по русской литературе «Русская литература: история, текстология, источниковедение, комментарий» (Санкт-Петербург–Цвелодубово, 2016, 2017), а также в рамках исследовательского семинара «Компаративные исследования: проблемы и перспективы» (ИРЛИ РАН, 2015) и научно-популярного семинара «Русское зарубежье: неизвестные страницы» (Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016), в статьях в журнале «Русская литература», «Ежегоднике Дома русского зарубежья», альманахе «Достоевский и мировая культура» и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Общий объем работы составляет 294 страницы, из которых 33 страницы занимает список использованной литературы (428 единиц).

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, предлагается краткий обзор современных монографий, посвященных «младшему» поколению писателей-эмигрантов, уточняется значение понятия «память» применительно к диссертационной работе, формулируются цели, задачи и выносимые на защиту положения.

В **первой главе «Память в структуре русского зарубежья: между индивидуальным и коллективным»** рассматривается, каким образом на уровне поэтики проявилась тенденция к продуцированию образов памяти-воспоминания в прозе эмиграции, а также предлагается анализ романа «Подросток» с точки зрения реализованных в нем персонажных концепций памяти.

Во **введении к главе** дается краткая характеристика основных мнемонических тенденций в эмигрантском дискурсе. В русском зарубежье оказалась ярко выражена идея памяти как долженствования, что определило специфику и художественных, и публицистических сочинений. Долг памяти предполагал письменное закрепление личного свидетельства об уходящей дореволюционной эпохе, необходимость помнить которую и составляла во многом «мессианскую» идею эмиграции. Наряду с долженствованием памяти, выражающемся в конкретных социальных действиях по коммеморации, активной также была мифогенетическая функция памяти, находящая свое основание в противопоставлении «памяти» (вечного) и «воспоминания» (временного). Отталкиваясь именно от этого противопоставления, Ф. А. Степун упрекал авторов журнала «Числа» в том, что последние игнорируют «онтологическую нетленность» вечной памяти о России в пользу «лирического тлена» своих индивидуальных воспоминаний. В свою очередь, В. С. Варшавский указал на специфичность положения «молодого эмигрантского человека»: в отличие от представителей «старшего» поколения, он не обладает «экстерриториальной» душой, которая могла бы позволить психологически и метафизически жить в

прошлом, «даже идеально он не находится ни в каком обществе».³ Отсутствие «своего места» вводит в прозаические сочинения младоэмигрантов мотивы рассеянности и ожидания, беспамятства; сюжет многих произведений «младших» писателей-эмигрантов концентрируется вокруг поиска спасительного воспоминания, способного стать истоком внезапного осознания разрыва между прошлым и настоящим, который младоэмигранты пытаются не нивелировать, а сделать исходной точкой своего творческого становления.

Глава состоит из трех параграфов. В **параграфе 1.1. «Жанровые и повествовательные доминанты молодой эмигрантской литературы»** определяется жанровое своеобразие прозы «младшего» поколения. Установка на создание «человеческих документов» и фактическое следование главным повествовательным принципам данного жанрового образования, таким как перволичное повествование, автобиографичность, исповедальность, а также использование или стилизация документальных жанров дневника, письма, очерка, заметки сочетались в текстах младоэмигрантов с критикой наивного документирования и с переосмыслением понятия «документ» (**1.1.1. «Память или воспоминание: между вымыслом и документом»**). В рассказе Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека» безымянный герой-повествователь пытается подробно описать один день из своей жизни, однако обнаруживает, что сама по себе запись совершенно не способна воспроизвести происходящее. Неадекватность «документа» жизненному переживанию демонстрирует небольшой рассказ А. Гингера «Вечер на вокзале». Специфика «документальной» прозы молодых эмигрантских писателей в том, что понятие «документ», «событие» и «свидетель» существенно изменили свое значение, переместившись из сферы «внешнего» в сферу «внутреннего». Документ состоятелен как «факт духовной жизни» (Б. Поплавский). Реально все, что соответствует внутреннему личному опыту откровения. Внутреннее событие требует обратиться к памяти-воспоминанию для внятного рассказа, что составляет главную тему многих

³ *Варшавский В. С. О прозе «младших» эмигрантских писателей // Варшавский В. С. Ожидание. Проза. Эссе. Литературная критика. М., 2016. С. 352.*

произведений младоэмигрантов, например, рассказа Г. Газданова «Третья жизнь». Внутреннее событие представляет собой личностную встречу с «подлинной реальностью», которую можно рассказать на языке «магического реализма» (С. Шаршун) или «трансреализма» (В. Яновский), предполагающих смешение вымысла и документа. Необходимость документировать визионерский опыт встреч с «подлинной реальностью» генетически связывается с русской литературной традицией.

В прозе младоэмигрантов синтезируются антификциональные и фикциональные черты, что позволяет рассматривать их творчество в контексте современных теорий автофикциональности (autofiction) (**1.1.2. «Автобиографизм или автофикциональность»**). «Самопридумывание» в прозаическом творчестве русских монпарнасцев часто выражалось в протяженном во времени воспоминании, предметом которого было изменяющееся «я». Автофикциональные тексты младоэмигрантов предполагали маршрут не от реальности к вымыслу, а от вымысла к реальности (а точнее, ее двойнику, более предрасположенному к творческому моделированию). Дихотомия жизни и искусства, свойственная жизнестроительным интенциям «младших» писателей, сохранялась, становясь продуктивным способом раздвоения реальности в ожидании будущего «подвига».

Установка на изображение временного опыта, противопоставленного вечности или конфликтующего с представлением о вечности, усилила и во многом оформила экзистенциальное и феноменологическое начало в прозе младоэмигрантов (**1.1.3. «Феноменологические и экзистенциальные черты в прозе «младшего» поколения писателей-эмигрантов»**). Парадоксальным образом рассказчик «Вечера у Клэр» Газданова делает выбор не в пользу памяти (которая на его языке оказывается безличным универсализирующим опытом), а в пользу личных воспоминаний, способных стать отражением «своего» времени и переживанием его течения. Анализ дневниковых записей Б. Поплавского, касающихся соотношения времени и вечности, позволяет говорить о характерном для поэта методологическом требовании пережить опыт временности не как нечто негативное, а как единственную возможность освободить «я» от автоматической

самоотождествляемости, в интерпретации проблемы времени Поплавский близко подходит к концепции французского философа А. Бергсона.

Параграф 1.2. «Память и воспоминание: "внутренняя форма" человека 30-х годов и предмет рефлексии автора-повествователя» посвящен анализу структуры «молодого эмигрантского человека», главного героя прозы «младшего» поколения. С одной стороны, этот герой наделялся считываемыми автобиографическими чертами, с другой стороны, призван был репрезентировать целое поколение. Как в публицистике, так и в прозе выстраивалась мифология «человека 30-х годов», нашедшая аналог в современной французской литературе, но полагающая свой исток в судьбе «всех "лишних людей" русского прошлого и всех "потерянных" поколений Европы и Америки».⁴ Такое существенное расширение генетической истории героя предполагало его повышенную литературность. Главным в структуре младоэмигрантского героя было растождествление между социальным «я» и внутренним «я», что объясняло свойственные ему нарушения памяти, взаимоналожение воли автора и героя (герой вспоминает о себе как о другом), концентрацию на недавнем прошлом. Изобретался автобиографический герой, который будет способен рассказать о поразившем его событии памяти. Разрыв между «я» и «он» внутри субъекта речи обусловлен, с одной стороны, последовательным противопоставлением в прозе эмигрантов «внешнего» (неподлинного) и «внутреннего» (подлинного) человека, с другой стороны, несовпадением мифа о себе и ценностного ожидания правды о «я» (**1.2.1. «Автор и герой в системе мнемонических отношений»**). Модель воспоминания характеризуется следующими чертами: 1) воспоминание оправдывается как «внутренняя потребность», 2) «необходимое» письмо наделяется способностью привести к будущему подвигу, 3) рассогласование времен ведет к переплетению мотивов рассеянности и ожидания, 4) внешнее событие определяется пересечением метафизического и любовного сюжетов, 5) внутреннее событие подразумевает осознание или противопоставление своей

⁴ *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 17. Цитата дается по изданию 1956 года, снабженному предисловием, которого нет во второй редакции.

смертности и чужой смерти, переживание разрыва между «я» и «другим» (1.2.2. «*Формулы узнавания героя «младших» писателей-эмигрантов*»). В качестве иллюстрации вышеприведенных положений выбирается отрывок из романа Ан. Алферова «Рождение героя», автор которого, воспроизводя в своем герое свойственные «человеку 30-х годов» черты, уже намечает пародийное переосмысление сложившихся в младоэмигрантской литературе штампов. Отдельно рассматривается категория «молодости», ставшая своеобразной идеологемой русского зарубежья и ключевой *формулой узнавания* героя и автора литературы «младшего» поколения. Ключевые контексты: «беспокойный и дезориентированный молодой человек» прозы послевоенной Европы; «подростки» Достоевского (1.2.3. «*"Молодость" эмигрантского автора и героя как рефигурация "подростковости" героя Ф. М. Достоевского*»). Возможность соположить образы молодых эмигрантских героев и подростка Достоевского основывается на том, что в обоих случаях мы имеем дело со «смутным временем» и с ситуацией «случайного семейства». В несколько схематизированном виде «старшие» писатели, оказавшиеся, с точки зрения «молодых», неспособными ориентировать их в жизни, могут быть осмыслены как духовные наследники физического и юридического отцов Аркадия Долгорукого. В свою очередь «молодой эмигрантский герой», выговаривающий некое ключевое событие памяти, может быть увиден как дальний «родственник» Аркадия Долгорукого.

В параграфе 1.3. «*Формы присутствия памяти в эмигрантском дискурсе*» обосновывается возможность учитывать роман Достоевского «Подросток» как один из источников мнемонических концепций младоэмигрантов, анализируется роман «Подросток» в аспекте категории памяти, проводятся типологические и генетические параллели между тем, как функционирует память в культуре русского зарубежья, и концепциями А. Бергсона и М. Хальбвакса.

Художественную память русских писателей XX века зачастую помещают в контекст противостояния времени и вечности, и в этой дихотомии память художника интерпретируется с точки зрения ее способности связать временное с

вечным и быть выразителем «анамнезиса о потерянном рае» (Л. Шестов). Память в прозе «младшего» поколения связана с настоящим и проникнута им, кроме того, не предполагает априори существующего сакрального времени. Для памяти-воспоминания младоэмигрантов характерен насильственный разрыв с прошлым, воспоминание должно пробудить сознание к прерыванию инерции жизни. «Следы» прошлого — в том, что не перестает быть настоящим. Эти мнемонические мотивы восходят к прозе Достоевского, в которой прочно связаны форма воспоминания «на коротком приводе» (Д. С. Лихачев), эмоционально-волевое желание вспомнить, взаимозависимость воспоминания и письма («припоминания и записывания»), способность воспоминания привести к осознанию **(1.3.1. «"Подросток" как источник мнемонической поэтики эмигрантской литературы»)**.

Анализ романа Достоевского «Подросток» с точки зрения реализованных в романе концепций памяти позволяет нам сказать, что именно категория памяти-воспоминания конституирует текст «Подростка» на уровне сюжета, идеи и героя **(1.3.2. «Событие памяти в романе Ф. М. Достоевского "Подросток"»)**. «Идея» героя («ротшильдские миллионы») трансформируется в воспоминания, хранителем которых выступает Аркадий, и которые он «раздает» посредством «припоминания и записывания». В романе Достоевского тема памяти развивается диалогически в отношениях трех главных персонажей, которые являются носителями идеи памяти, между «побочным» сыном, членом «случайного семейства» Аркадием Долгоруким и двумя отцами, один из которых (Версилов) имеет огромное влияние на Подростка и составляет для него тайну («великая идея», которую ожидает Аркадий), другой же, Макар Долгорукий, не является носителем специфической идеи, но в самой своей страннической судьбе являет ключевые народные представления о «благообразии». Аркадий, тем не менее, открывает для себя собственный путь, связывая припоминание с письмом и с фактом перевоспитания, то есть обнаруживая нарративный характер самопознания, вызвавший интерес исследователей только в XX веке.

Мемуарно-автобиографическая проза эмиграции, а также художественные произведения, испытавшие на себе влияние мемуарного «бума» зарубежья, создавались под знаком тяготения к индивидуальной или коллективной памяти. **(1.3.3. «Память-воспоминание и "социальные рамки памяти"»)**. Наиболее авторитетные формы присутствия памяти-воспоминания в русском зарубежье могут быть рассмотрены на фоне трех персонажных концепций памяти в романе Достоевского «Подросток»; они обозначены нами как 1) память-миф (предание о прошлом России), 2) память-долг (мессианская идея «русского европейца», идеолога «всемирного боления за всех»), 3) память-метонойя (изобретение мнемонических форм самопознания). Именно последняя в наибольшей степени соответствует творчеству младоэмигрантов и восходит к творческой манере Аркадия Долгорукого. Противопоставление индивидуальной и коллективной памяти рассматривается под знаком сложившихся к 1920-м годам концепций А. Бергсона и М. Хальбвакса. Бергсон последовательно развивал мысль о существовании наряду с сенсомоторным уровнем памяти чистых образов-воспоминаний, которые способны раскрыть творческому и пытливому сознанию его собственную свободу и являются незаменимыми исключительными подвижными срезами жизни. Философ стремился освободить память от тотальной психофизиологической или прагматической обусловленности. Открытие памяти-воспоминания предполагало возможность исключить себя из потока инертного, predeterminedного социумом существования, а взаимообусловленность длительности (*durée*) и памяти делегировала появление в мире нового (реальное время). В свою очередь Хальбвакс, полемизируя с Бергсоном, утверждал, что каждая наша акция в отношении прошлого встраивается в актуальный социальный контекст и целиком им обуславливается. Воспоминания сохраняются постольку, поскольку сохраняются социальные рамки, их оформляющие (впоследствии это будет развито в теории «мест памяти»). Эмигрантская тоска по прошлому, воплощенному в конкретном времени и пространстве породила то, что Варшавский называл экстерриториальной душой «старшего» поколения, и обуславливалась социальным, коллективным уровнем памяти. В свою очередь

«младшие» писатели, которые совсем неслучайно в отношении Бергсона заявили себя внимательными читателями и интерпретаторами (Л. Кельберин, В. Варшавский, Б. Поплавский, Н. Татищев, В. Яновский и др.), стремились освободить собственное существование от детерминации коллективными представлениями о прошлом и искали способ установить личностные отношения с памятью. Постигание изменяющегося во времени «я» и нарративное оформление воспоминания, способного стать демаркационной линией не между прошлым и настоящим, а между тем, что «было» (настоящее, социальная обусловленность) и тем, что «есть» (прошлое, внутренняя обусловленность), стало важными задачами литературы «младшего» поколения эмиграции.

Во второй главе **«Роль категории памяти в изобретении новой художественной формы: русский Монпарнас, европейский модернизм, Ф. М. Достоевский»** речь идет о конкретных способах построения в младоэмигрантской прозе образа вспоминающего героя-подростка, который обнаруживает генетическую связь с героями А. Жида и Достоевского. Глава состоит из трех параграфов.

Исследование того, как представители «младшего» поколения эмиграции воспринимали личность и творчество Достоевского (**2.1. «Достоевский и "незамеченное поколение"»**), позволяет сказать, что в отличие от «старших» писателей-эмигрантов русские монпарнасцы ставили вопросы эстетического порядка выше вопросов идеологического и стремились «испытать» Достоевского своей собственной творческой жизнью. В младоэмигрантский дискурс переходили устойчивые формулы, связанные с творчеством Достоевского (**2.1.1. «Достоевский в восприятии "младшего" поколения»**): 1) «русские мальчики», 2) «подполье», 3) «мечтательство», которые специфическим образом переносились в сферу характеристики «молодого эмигрантского человека». Непосредственно к роману «Подросток» отсылает литературная критика и эссеистика Г. Адамовича, который часто упоминает эпизод визита матери Аркадия в пансион Тушара как одну из величайших сцен мировой литературы, а также ряд художественных произведений литературы «младшего» поколения

(«Мальчики и девочки» И. Болдырева, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Кривой» Н. Татищева, «Повелительница» Н. Берберовой, «Полет» Г. Газданова). В отношении большинства младоэмигрантских текстов справедливо утверждение, что они разделяют следующие черты, восходящие к поэтике «Подростка»: синтезирование в «эмигрантском молодом человеке» черт мечтателя и подпольного парадоксалиста, изобретение подросткового нарратива, связь «припоминания» и «записывания», мотивы «случайного семейства», ложного учительства, двойственное отношение героя к женщине (любовь-ненависть, власть-подчинение) и др. Также и антилитературная поэтика авторов журнала «Числа», характеристика которой была предложена в первой главе, в ключевых моментах совпадает с эстетическими предпосылками создания романа «Подросток», которые мы реконструируем, опираясь на подготовительные материалы к роману (2.1.2. «Эстетические предпосылки создания романа "Подросток"»). Вопрос о форме повествования, поиск оригинальности композиции и тона, отказ от дидактики и морали, декларирование художественности как соотнесенности с сущностью жизни — ключевые ориентиры подготовительных материалов к «Подростку». И именно память-воспоминание, ставшая формой романа, оказалась способна реализовать все задуманные поэтологические принципы. Личностность воспоминания Аркадия оправдала композиционную сконцентрированность, в то же время выборочность, спонтанность воспоминания позволили реализоваться дискретности и отрывистости. В памяти воплотился двухфокусный тон Аркадия Долгорукого, одновременно проживающего событие прошлого и оценивающего его. Память-воспоминание Подростка, расширившая контекст самопознания в полноте до всей тотальности прошлого, совпала в своей основе с сущностью жизни, с ее делящейся, беспрестанно изменяющейся, в глубине своей творческой природой. Записки Аркадия становятся романом в авторском и читательском сознании, но романом, посредством продуманной непрофессиональности утверждающим телеологическую нетождественность обычному «литературному занятию».

Достоевский-художник был чрезвычайно влиятельной фигурой в эстетическом развитии французской литературы, начиная с конца XIX века. Одним из главных интерпретаторов Достоевского и одновременно одним из самых авторитетных для эмиграции французским автором является в первую треть XX века А. Жид. **(2.2. Достоевский, А. Жид и В. С. Варшавский)**. Он предложил до сих пор недооцененный анализ этико-эстетических оснований творчества русского писателя и вместе с тем вел с Достоевским плодотворный диалог на страницах художественной прозы, и в первую очередь в романе «Фальшивомонетчики». Роман «Фальшивомонетчики» в наибольшей степени ориентирован, как мы показываем, на роман Достоевского «Подросток». Сопоставительный анализ двух произведений **(2.2.1. «Герой-подросток в романе "Подросток" Ф. М. Достоевского и «Фальшивомонетчиках» А. Жида»)** показывает нам, как функционирует в тексте герой-подросток на уровне жанра, нарратива и идеи, и на каких основаниях можно говорить о превращении исторически обусловленного концепта «случайное семейство» в метафизическое требование «случайности» как способа избежать социальной предопределенности и выйти к реальности становления. Именно художественное изображение становления волнует Жида в Достоевском, о чем свидетельствуют лекции французского писателя. В «Подростке» и «Фальшивомонетчиках» предпринята попытка проблематизировать «прекрасные формы» литературы прошлых эпох, и одним из инструментов в решении художественной задачи является создание героя-подростка. В становлении Аркадия Долгорукого, Бернара Профитандье, Оливье Молинье центральное положение занимает поиск внутреннего правила, которое не может быть получено от наставника, но должно прийти изнутри. Реализация этого процесса рассматривается в романах Достоевского и Жида с точки зрения развития трех взаимосвязанных тем: 1) искусство и реальность (литература и жизнь); 2) познание другого и самопознание; 3) изобретение книги. Герой-подросток в романах Достоевского и Жида погружен в процесс адогматического воспитания — на уровне жанра; позволяет автору открыть горизонт непредопределенности и немотивированности — на уровне сюжета;

является формой или точкой зрения романной метарефлексии — на уровне нарратива; открывает способ динамического познания жизни и/или искусства в ситуации духовного сиротства и незаконнорожденности — на уровне идеи.

Анализ одной из ключевых поколенческих статей младоэмигрантов («Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и молодом эмигрантском человеке») позволяет увидеть, как сопоставление героев Жида и героев прозы «младших» писателей-эмигрантов встает в зависимость от интерпретации Жидом творчества Достоевского (2.2.2. **«А. Жид как интерпретатор Достоевского в свете рецепции В. С. Варшавского»**). Симптоматична связь в эссе-манифесте Варшавского имен Достоевского и Жида, актуализация фигуры молодого героя, подчеркивание важности эмигрантской судьбы, «внутреннего» события и младоэмигрантской «рассеянности».

Отдельно рассматриваются повесть «Мальчики и девочки» Иван Болдырева и «Роман с кокаином» М. Агеева с точки зрения построения образа героя-подростка и анализа временного облика героя (2.3. **«Герои-подростки в творчестве младоэмигрантов»**). В повести Болдырева (настоящее имя Иван Андреевич Шкотт) создается портрет подростка, который, с одной стороны, фиксирует читательское внимание на вневременном характере юности, с другой стороны, отражает переломное время после революции, для которого сознание подростка оказывается как бы лакмусовой бумажкой. Эти особенности позволяют рассмотреть историю о первом поколении детей советской трудовой школы как прелюдию будущей трагедии «эмигрантских сыновей», представителей «русского Монпарнаса», переживающих глубокий разрыв исторического наследования и чувствующих необходимость зафиксировать последствия этого разрыва (2.3.1. **«Повесть Ивана Болдырева "Мальчики и девочки": безвременье юности и юность революции»**). В свою очередь, Агеев, сознательно, как показывает наш анализ, полемизирует в романе с «Подростком» Достоевского. Агеев изображает историю нераскаившегося Вадима Масленникова именно для того, чтобы «расшатать» читательскую инерцию, диктующую искать в искусстве торжество справедливости, и тогда фрагмент из «Подростка» (визит

матери Аркадия в пансион Тушура) не в последнюю очередь выбирается Агеевым полемически, с целью показать, что «человек 30-х годов» обнаруживает неспособность отыскать в себе спасительное воспоминание по модели героя Достоевского, хоть и находится с ним в непосредственном литературном родстве (2.3.2. «Подросток Вадим Масленников»).

В третьей главе «Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920–1930 гг.): между рассеянностью и ожиданием» рассматриваются ключевые мнемонические концепции, выраженные в творчестве В. Варшавского (3.1. «Генезис "рассеянной" памяти в прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов (В. С. Варшавский, Ф. М. Достоевский, А. Бергсон)» и Юрия Фельзена (настоящее имя Николай Бернгардович Фрейденштейн) (3.2. «Память-воспоминание в "неопрустианском" проекте Юрия Фельзена»).

В художественной прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов в качестве конструктивного центра творческого метода выступает особая концепция памяти. На материале трех ранних произведений Варшавского («Шум шагов Франсуа Виллона», «Из записок бесстыдного молодого человека», «Уединение и праздность») можно проследить развитие мотива «рассеянной» памяти, раскрываемого в оппозиции я — другой и утверждаемого в форме нарративного описания «рассеянного» я. Мотив «рассеянной» памяти в прозе Варшавского, имея непосредственный историко-литературный контекст, во многом наследует формам памяти-воспоминания в романе Ф. М. Достоевского «Подросток». С другой стороны, философским основанием для осмысления памяти в прозе и публицистике Варшавского является философия А. Бергсона. Нюансируя смысловые акценты во временном облике героя (представителя «младшего» поколения эмиграции), Варшавский создает вариативные тексты, в которых постулат памятования о «другом» становится возможностью организовать сообщество помнящих, заряженных энергией будущего подвига. «Рассеянность» служит герою смутным напоминанием о самостоятельном мире «другого». Она есть не только и не столько его капитуляция перед жизнью, сколько до предела

ослабленное внимание, находящееся в поиске предметов и людей, видение которых будет с минимальной степенью опосредовано какой-либо корыстью. Феноменология «человека 30-х годов» есть попытка создать вненаходимое спасительное отношение к себе как к герою: в этом одновременно и утверждается, и переосмысливается пафос Бахтина. В творчестве Варшавского кругозоры автора и героя практически совпадают, что характерно для младоэмигрантской прозы. Тем не менее, существование интервала между ними, чаще всего выраженного в том, что Варшавский оставляет принципиально не разрешенной трагедию своего альтер-эго и усугубляет ее — этот интервал и позволяет связать *рассеянность* и *ожидание*. Следуя за героем по лабиринту его внутреннего мира, Варшавский экспериментально подводит его к границам «я», напоминая о том, что сущность жизни за границами оказалась рассеянна, забыта.

В свою очередь, анализ раннего творчества Юрия Фельзена 1926–1928 годов и его публицистики показывает, что автор, связанный с группой журнала «Числа» и сформировавшийся под влиянием антилитературно ориентированной поэтики «русского Монпарнаса», создает оригинальную концепцию творческого обновления, в основании которой лежит взаимодействие тем любви, памяти и письма (3.2.1. «"…в соединении любви, вдохновения и памяти": К вопросу о художественном методе Юрия Фельзена»). На материале рассказов Фельзена второй половины 1920-х годов («Отражение», «Опыт», «Жертва», «Мечтатель», «Две судьбы») анализируется динамика становления художественного метода писателя. Главнейшим открытием Фельзена конца 1920-х годов стало понимание того, что его отдельное воспоминание, будучи даже предельно камерным, в действительности способно вывести его на уровень ключевых обобщений, касающихся судьбы его поколения, эмигрантского сообщества и европейской литературы межвоенных десятилетий. Его художественный метод можно назвать методом «задержанной» памяти: память задержана в разрыве, продолжает прошлое в настоящем, полагается в ценностном будущем и связывается с идеей творческого обновления. Доказывается, что повесть Фельзена «Обман» (1930) полемически ориентирована на роман В. Набокова-Сирина «Машенька» и

обнаруживает типологическую близость с романом Г. Газданова «Вечер у Клэр» (3.2.2. «Литературный контекст повести Юрия Фельзена "Обман"»). Три произведения объединяет перенос художественного внимания с внешней событийной канвы на внутренний монолог, выдвижение воспоминания как темы и творческого метода, любовная интрига как метонимия истории писательского становления. Отдельного упоминания заслуживает функция имени возлюбленной в трех прозаических текстах: отношения главных героев с образами Машеньки, Клэр и Лели протекают, преимущественно, на территории воображаемого героев, в каждом из сюжетов совершается своеобразное путешествие из «имени страны» в «страну имени» (понятия М. Пруста). Существенное отличие фельзенского текста заключается в том, что герой повести «Обман» восстанавливает непосредственное прошлое, ведя дневниковые записи. Суть его творческой работы заключается не столько в восстановлении прошлого, сколько в создании дополнительного измерения только что пережитого, он захвачен идеей границы между реальным и воображаемым и желает соединить две судьбы в творческом напряжении, для которого любовный обман — необходимый элемент. В сюжетно-композиционной структуре повести Фельзена проявлена тенденция к постепенному снижению частоты записей: в первой части за 15 дней сделано 10 записей, во второй части за 20 дней сделано 7 записей, в третьей части за 31 день сделано 5 записей. Движением к «воображаемому роману», к своему писательскому замыслу отмечены значимые перемены в организации дневниковых записей. Память в повести Фельзена сказывается в письме, в страсти к письму, овладевающей рассказчиком, который только записанное и максимально уточненное определениями слово считает выразителем реальности. Не соглашаясь, что прошлое можно возродить (антипрустовский мотив), рассказчик тем не менее убежден в необходимости стремиться к увеличению объема прошлого, удерживаемого сознанием. Творческая память фельзенского рассказчика открывает своеобразную форму аналитической памяти о настоящем, лишенную контекстуализации в вечности.

В заключении приводятся основные обобщения и выводы.

Разнообразные концепции памяти, воплощенные в прозе «младшего» поколения писателей-эмигрантов, выражают индивидуальные художественные стратегии в изобретении модернистского письма, в основании которого лежит переживание временности как ключевой формы сознания. Проведенный в настоящем диссертационном исследовании анализ концепций памяти выводит нас к проблематизации постулата о символистской и постсимволистской природе мнемонического в текстах писателей XX века и открывает перспективу изучения прозы представителей «незамеченного поколения» под знаком памяти о *не* ставшем.

Привлечение в качестве источника романа «Подросток» позволяет нам увидеть, что предпоследнее произведение Достоевского, до сих пор нередко рассматриваемое как творческая неудача писателя, определило ряд ключевых поэтологических тенденций в прозе XX века. Генетическая связь между памятью-воспоминанием в прозе «младших» писателей-эмигрантов и принципом «припоминания и записывания» в романе «Подросток» проливает свет на миноритарную линию мнемонической поэтики русской классической и модернистской литератур. В свою очередь, анализ романа «Фальшивомонетки» А. Жида проясняет историко-литературные основания связи поэтики Достоевского и «младшего» поколения эмиграции, так же как демонстрирует динамику функции героя-подростка в литературе межвоенных десятилетий.

Перспективным представляется также подробное исследование влияния философии А. Бергсона на становление эстетики младоэмигрантов. Именно Бергсон, как становится ясно из настоящей работы, оказался для многих представителей «младшего» поколения автором, легитимирующим поиск художественного воплощения изменчивого «я», раскрываемого в разнообразных формах памяти-воспоминания.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Публикации в изданиях, реферируемых ВАК РФ

1. Димитриев В. М. Повесть Ивана Болдырева «Мальчики и девочки»: к особенностям поэтики // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 26–38.
2. Димитриев В. М. Герой-подросток в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и А. Жида «Фальшивомонетчики» // Русская литература. 2017. № 1. С. 145–162.
3. Димитриев В. М. Литературный контекст повести Юрия Фельзена «Обман» // Летняя школа по русской литературе. 2017. Т. 1. № 2. С. 152–171.
4. Димитриев В. М. «...в соединении любви, вдохновения и памяти»: К вопросу о художественном методе Ю. Фельзена // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 76–84.

Прочие публикации

5. Димитриев В. М. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: от «текущей действительности» к памяти (Достоевский и Бергсон) // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2015. С. 78–90.
6. Димитриев В. М. Событие памяти в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»: уровень персонажей // Достоевский и мировая культура. № 33. М., 2015. С. 106–120.
7. Димитриев В. М. «Рассеянная» память в прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3. С. 325–338.
8. Димитриев В. М. Генезис «рассеянной» памяти в прозе В. С. Варшавского 1920—1930-х годов (В. С. Варшавский, Ф. М. Достоевский, А. Бергсон) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. М., 2017. С. 265–281.